

ББК 76.0
С75

Р е д к о л л е г и я: д-р социол. наук *Д. П. Гавра*; д-р филол. наук *Г. В. Жирков*; канд. искусствовед. *С. Н. Ильченко*; д-р филол. наук *М. Н. Ким*; д-р филол. наук *В. И. Коньков*; д-р филол. наук *Б. Я. Мисонжников*; канд. истор. наук *В. А. Никитин*; д-р социол. наук *А. С. Люю*; канд. филос. наук *О. Г. Филатова*; д-р филос. наук *А. В. Чечулин*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета*

Средства массовой информации в современном мире : Петербургские чтения : материалы межвуз. науч.-практич. конф. — СПб. : Роза мира, 2010. — 410 с.
ISBN 5-85574-290-2

В материалах традиционной межвузовской научно-практической конференции рассматриваются актуальные проблемы журналистики в условиях трансформации современного общества. Под влиянием глобальных преобразований существенные изменения системного характера происходят и в деятельности средств массовой коммуникации. В материалах конференции дан анализ наиболее важных проблем массовой коммуникации начала XXI века — журналистики, рекламных коммуникаций, PR.

Для преподавателей и студентов факультетов журналистики, для специалистов, работающих в сфере массовой коммуникации.

ISBN 5-85574-290-2

ББК 76.0

© Авторы сборника, 2010

© Роза мира, 2010

Ю. Б. БАЛАШОВА, СПбГУП, доцент

ТЕХНОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И АЛЬМАНАХ 1930-х годов

Эпоха 1930-х годов выработала особые формы массовой коммуникации, «всеохватность» которых определялась пропагандистскими установками. Огромный корпус эксклюзивного материала, воссоздающего образ эпохи, заключен на пересечении журналистской и литературной парадигмы и содержится в таком типе издания, как литературный альманах.

На фоне трагической невозможности адекватной культурной рефлексии в сталинское время в начале 1930-х годов выходят в свет автометаописательные сборники «Как мы пишем» (Л., 1930) и «Как мы начинали писать. Рабочие-авторы о своих первых шагах в литературе» (М., 1933), отражающие в том числе представление о творческом процессе самого нового массового писателя-производственника и рабселькора.

В 1930 г. наиболее массовые литературные организации «Российская ассоциация пролетарских писателей» (РАПП) и «Всероссийское общество крестьянских писателей» (ВОКП) приняли решение о призыве ударников труда в литературу. Такая задача была предопределена гипертрофированным литературоцентризмом советской культуры. Литературная деятельность рабочих и колхозников, в обязанность которым вменялась трансляция личного трудового опыта, активно санкционировалась государством и расценивалась как часть производственного процесса. На смену лозунгу «учебы у классиков» в 1930-е годы приходит требование овладения общедоступным писательским мастерством с опорой на программу литучебы, выработанную Союзом писателей.

По общему мнению пролетарских писателей, произведение, приближенное к читателю главным образом за счет насыщенности эмпирическими реалиями, должно «художественно зара(я)жать», «взволновывать». Процесс создания вещи направлен, таким образом, от первичного, конституирующего содержания к доходчивой и вовлекающей форме. Как писал вполне опытный рабочий-писатель В. Хмара, «у меня не было сюжета, не было определенных типов, но у меня уже была идея» (Хмара В. Нужно показать, как живые люди борются за построение социализма // Как мы начинали писать. М., 1933. С. 58).

Для «культуры „два“» в высшей степени характерен культ схемы как таковой — значение отвлеченного планирования здесь вряд ли можно преувеличить. Оно охватывало не только советское плановое хозяйство, но закономерно проникало и в литературную сферу — выступало одним из главных факторов надуманности построения вещи. Так, в основе «книжек»-брошюр рабочих авторов неизменно лежал именно план, который им помогали составить в Профсоюзном изда-

тельстве: «Я решил пойти в Профиздат посоветоваться, о чем и как писать. <...> Составил краткий план книжки и опять пошел в издательство. <...> Кроме плана я составил еще список своих „героев“ и написал характеристики каждого из тех, о которых хотел писать (прогульщик, лодырь, летун, рвач...)» (*Шеин Ал.* Шутка сказать — написать книгу! // Как мы начинали писать. С. 10–11).

Завершающий этап — «обработка» материала — представлял собой хотя и сложную, однако вполне разрешимую чисто техническую задачу. Стилистически она находила выражение в частотных случаях использования несобственно-прямой речи. Преодолев первоначальные трудности, автор-идеолог (агитатор) автоматически клишировал свои «ранние» опыты, затрачивая на написание брошюры все более «ударные» сроки: «Первую книжку я писал с трудом, писал долго, много думал над ней. <...> Вторую книжку мне уже стало легче писать, а над третьей я работал всего около восьми вечеров» (*Салов А.* Темы дает завод // Как мы начинали писать. С. 29). Это последнее обстоятельство отчетливо свидетельствует об обреченности такой писательской практики, вызванной причинами внешнего порядка и замкнутой на них.

А. Ш. БИК-БУЛАТОВ, Казанский гос. ун-т, ст. преподаватель
Д. В. ТУМАНОВ, Казанский гос. ун-т, доцент

К ДАЛЬНЕЙШЕЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

В современном способе преподнесения истории журналистики в наиболее распространенных учебниках, на наш взгляд, присутствует один важный недостаток: не рассматривается самый феномен журналистики в его историческом развитии.

Между тем еще В. Милютин, положивший в 1851 г. начало науке об истории отечественной журналистики тремя статьями в «Современнике», объединенными под общим названием «Очерки русской журналистики, преимущественно старой», писал: «Деятельность исторических людей надо и ценить исторически, то есть принимая в соображение не требования нашей эпохи, но требования той эпохи, в которую они жили и действовали» (*Милютин В. А.* Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Статья первая // Современник. 1851. № 1, отд. II. С. 18).

По нашему мнению, методология исследования должна проследить живую судьбу вызревавшей мысли в определенном историческом контексте и строиться по следующим основаниям.

В первой трети XVIII в. журналистика составная часть науки, и к журналистам именно как к работникам науки обращает свой первый этический кодекс М. Ломоносов. История журналистики в России дает богатый материал для размышлений над судьбами науки и культуры, над их полезными начинаниями и нереализованными возможностями.

Далее журналистика перерастает рамки академической науки и выходит на широкую платформу просвещения и воспитания общества. Вместе с журналистикой складывается — в общем — система русской светской словесности как формы общественного служения.

Конечно, журналистики как самостоятельного института нет еще. Есть словесность. И журналистика — как одна из возможностей словесности. Журналистику 1820-х годов, по нашему мнению, нужно понимать как часть более широкого явления, нежели как самостоятельный институт. Есть словесность — как вариант общественной службы, наряду с военной, чиновной, духовной и т. д. Изначально, видимо, в отличие от других перечисленных вариантов служения, словесность представлялась «чистым» служением, т. е. не приносивших явных материальных предпочтений, но создававших человеку имидж служителя и радателя. Екатерина II, когда начинала свое участие в журналистике, начинала ровно с тем же посылом: прослыть Просвещенной монархиней, радательницей за Отечество.

Итак, журналистика — это, на наш взгляд, часть словесности, и не просто часть, а одна из «площадок» для писательского служения. Есть ведь и другие «площадки», скажем, ведение дневников или переписка, или издания книг, или участие в диспутах и заседаниях обществ. Поскольку читающая и пишущая публика невелика и во многом совпадает. Даже некоторые письма, не будучи опубликованы, если имели характер рассуждений, то приобретали весьма широкую известность «в кругах». Заседания кружков и обществ, некоторые адресные записки и т. д. нужно тоже отнести к сфере тогдашней «журналистики», ибо сужение, которое сейчас зафиксировано в учебниках истории, есть искусственное, и журналистика не воспринималась тогда отдельно от широкого поля словесности...

К 1860-м годам журналистика становится делом не просвещения, а политики. Зафиксированный факт: управление делами прессы в 1863 г. передается из ведения Министра просвещения в Министерство внутренних дел. После капитализации появляется еще один смысл журналистики: журналистика как бизнес (когда появилась массовая аудитория и на журналистике реально стало возможным зарабатывать). К рубежу веков — установление журналистики в своих собственных границах, окончательное разъединение с литературой.

Приходится говорить весьма кратко, но вывод по этой части таков: вот этой самой феноменологии журналистики не прослежено в нынешних учебниках. В результате, когда мы говорим, например, о 1860-х годах, мы не говорим о романах И. Тургенева или Ф. Достоевского как о фактах истории журналистики, хотя для того общества это было именно так! И очень важна публикация бывшим «современником» И. Тургеневым романа в катковском «Русском вестнике» и после смерти Н. Добролюбова; важна именно для того, чтобы понимать в целом, как тогда строились отношения в журналистике.

Второй момент, вытекающий из предыдущего: сейчас, когда мы говорим о нынешней журналистике, мы говорим о процессе, в истории же (в книжках по истории) этого взаимодействия не чувствуется. Имеется свод биографий публицистов и справка об изданиях. Но когда студенты читают об С. Аксакове, к примеру, то они не вспоминают других. Не показано публичного поля, не показано «правил игры», по которым жила журналистика в тот или иной период. Главы по общей характеристике периода в учебниках существуют как бы отдельно от дальнейших глав и не ассоциируются у студентов с приводимыми «биографиями».

Таким образом, мы имеем, как нам кажется, не историю журналистики, а историю периодических изданий с биографиями публицистов, в них работавших, в то время как рассмотрение дискурсов должно вестись сообразно пониманию журналистики в ту или иную эпоху.

Размышляя над конкретными судьбами журналистов прошлого, исчезнувших из поля зрения современных исследователей, мы не только переосмысливаем историю, но и реконструируем ее, препятствуя искажению истинного ее течения. Эта работа особенно нужна нам сегодня, в начале третьего тысячелетия, чтобы развивать дальше гуманистические традиции, которыми так богата культура России.

В судьбе каждого из журналистов скрыта драма. Неумение выстоять перед обстоятельствами, личные качества или объективные условия жизни вынуждали их к преждевременному завершению творческого пути. Будь то ныне незаслуженно забытый нами, «неудобный» для властителей в Смутное время публицист И. Хворостинин, будь то невостребованный временем организатор военной печати А. Кайсаров, будь то смелый борец с антигуманными правительствами эпохи революций П. Сорокин, и многие, многие другие — каждый из них оставил нам урок: журналисту требуется не только публицистическое мастерство, но и сила воли, социально-политическое чутье и талант к преодолению препятствий, которые выстраивает перед ними жизнь. Этому и следует учиться у истории, реконструируя время и мысль в их многогранном развитии.

О. В. БЫСТРОВА, СПбГУ, аспирант

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ НА СТРАНИЦАХ МАССОВОЙ ГАЗЕТЫ XIX века

«Обыденные, на каждом шагу встречающиеся явления столичной общественной жизни» были, по словам редакции газеты «Петербургский листок», для нее «столь же важны, как и проявления жизни государственной». «Петербургский листок» (1864–1918) был первопроходцем массовой периодики для городского обывателя, так называемой малой прессы. Возникнув в ответ на зародившийся читательский спрос в низших слоях населения, где раньше читатель «не водился и водить-

ся не мог», газета стала успешным коммерческим проектом, важной составляющей которого была разработка духовной проблематики.

Активно участвуя в процессе формирования массовой читательской аудитории и форм взаимодействия с ней, «Петербургский листок» обвинялся современниками в потакании вкусам толпы, снижении социально-культурного статуса журналистики. Но стремление удовлетворить потребности массовой аудитории имело и другую сторону: газета старалась придерживаться духовных ориентиров своих незыскательных читателей.

Конечно, редакция имела в виду рекомендации Русской Православной Церкви, поддерживала ее инициативы. Так, в числе одного из решающих аргументов необходимости вступления в войну с Турцией в 1877 г. «Петербургский листок» выдвигал защиту «христианских мучеников XIX столетия», «братьев по вере» (славянского населения Османской империи). Как утверждала редакция, именно благодаря вмешательству «Петербургского листка» в середине 1870-х годов завершилась затянувшаяся реставрация церковных врат и статуй апостолов Казанского собора. В 1880-е годы газета развернула информационную кампанию за отмену торговли во время литургии по воскресным дням, включавшую в себя публикацию проповедей протоиерея Ф. Н. Орнатского (будущего настоятеля Казанского собора). Эта акция увенчалась успехом и расценивалась как «одна из наиболее ценных нравственных побед газеты и ее крупных заслуг перед обществом».

«Петербургский листок» знакомил читателей с биографиями известных священнослужителей. «Уличные продавцы газет и брошюр постоянно выкрикивают на Невском либо „Новое чудо отца Иоанна Кронштадского за пять копеек“, либо „Новая молитва отца Иоанна, цена три копейки“», — вспоминали современники. В 1890 г. фельетоны двадцати номеров «Петербургского листка» были посвящены жизни и деятельности отца И. Кронштадского, в виде бесплатного приложения был опубликован его портрет, что вызвало большой читательский интерес и привело к резкому увеличению розничной продажи. Этот факт, по мнению редакции, подтверждал «правоту интенсивного отношения газеты к делам церкви и ее выдающихся служителей».

Редакция «Петербургского листка» не обходила стороной негативные явления жизни. Мотивы социальной справедливости, выступления с позиции бедняков были характерны для многих статей газеты: осуждались унижение человеческой личности, безвинные телесные наказания и т. п. Подчеркивалось благотворное влияние на «озорной народ» (фабричных рабочих) религиозно-нравственного просвещения. Традиционно на первых полосах газеты публиковались объявления о благотворительных кампаниях и отчеты по ним. Объектом заботы становились бедствующие семьи.

Церковная тематика была постоянным компонентом содержания «Петербургского листка», ее общий объем мог достигать трети редакционной части номера.

Нередко публикации имели критический, обличительный характер: священники осуждались за грубое обращение с прихожанами, неисполнение обязанностей, утерю церковного имущества. Такие материалы вызывали отклики в виде писем в редакцию с подробными разъяснениями обстоятельств, служили основой для возбуждения судебных дел.

Освещение духовной жизни общества в «Петербургском листке» имело своеобразный характер, но эта тематика способствовала формированию нравственно-го облика газеты и ее популярности.

Г. В. ВАККУ, Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, доцент

ПРАЖУРНАЛИСТИКЕ ЯВЛЕНИЯ И ЧУВАШСКОЕ ОБЩЕСТВО

Основные функции языка с их частными составляющими: коммуникативная (включающая в себя фатическую, конативную, волюнтаривную функции и функцию хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа), когнитивная (совмещающая функции орудия познания и овладения общественно-историческим опытом и знаниями, аксеологическую, денотации, референции, предикации), эмоциональная (предполагающая наличие таких подфункций, как модальная и поэтическая) — в сочетании с национальными, социальными, историческими, психологическими факторами обосновывают систему пражурналистских явлений в чувашском обществе.

Система эта включает в себя элементарные средства распространения информации и обнаруживается следующими основными формами.

1. Памятники древне- и старочувашской письменности — первый опыт фиксации чувашского слова на материальных носителях. Редкие булгаро-чувашские тексты средних веков в рунах и арабской графике, начальные чувашские вкрапления в иноязычные тексты и уже книги XVIII—XIX вв., которые более других факторов предопределили становление чувашской журналистики.

2. Передача вокативной, констатирующей, этикетной информации через посыльного или посредника. Посредником могли выступить родственники или знакомые, давние, возможно случайные. Такая информация выступала, например, в формах просьбы передать привет, довести устное приглашение на торжество, сообщить о важном событии — рождении ребенка, свадьбе, смерти и т. п.

3. Общение в сфере товарно-рыночных отношений предполагало распространение информации не только рыночного плана на многочисленных сельских, волостных, уездных базарах и ярмарках, но и обмен новостями и мнениями.

4. Произведения словесного фольклора с их выстроенной композицией и устойчивым словесным оформлением обосновали практику использования языка уже

в печатной форме, облегчили освоение жанрового разнообразия русской публицистики. Эпические тексты — сказки, мифы, легенды и особенно бытовые рассказы, востребованные главным образом в ходе выполнения пассивных работ, служили одним из образцов языкового употребления.

5. Общение первоначально на национальных праздниках и затем на праздниках Православной Церкви наделялось множеством коммуникативно нацеленных мероприятий — обменом социально и индивидуально значимой информацией в рамках существующих сценариев.

6. Принятие решений по наиболее сложным вопросам на специальных сельских сходах и решением незначительных неотложных проблем на утреннем выгоне скота — традиционная форма управления деятельностью чувашской общины. Решение более сложных вопросов — например, перераспределение земель, осуществление лесозаготовок — и общение администрации с чувашским населением происходило на сходах на сельских площадях или в сторожках.

7. Элементы национальной вышивки и костюма, особенно женского, кроме защитной, эстетической и магической функций несли в себе также мощную информативную нагрузку. Костюм свидетельствовал о возрасте, семейном положении, количестве детей и т. п.

Настоящая система пражурналистских явлений полностью удовлетворяла требованиям чувашского общества на протяжении многих веков вплоть до конца XIX столетия, и некоторые ее составляющие до сих пор находят активное выражение.

Пражурналистские явления в сочетании с традициями российских средств массовой информации послужили основанием чувашской журналистики. Интерферентное влияние мирового опыта в области СМИ предполагало его наложение на национальные особенности существования и распространения информации. В результате сложилась журналистика, отличающаяся неповторимыми этническими качествами.

А. А. ВАХРУШЕВ, Удмуртский гос. ун-т, доцент

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЯТСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Оригинальную и самобытную лепту в духовное и культурное наследие вятского региона внесли приверженцы русского староверья, бежавшие в результате церковного раскола из Великороссии и обосновавшиеся здесь (преимущественно в южной части) в XVII в.

Впервые серьезное внимание на это обратили археографы Отдела рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук России (г. Санкт-Петербург), организовавшие в 1969 г. первую научную полевую экспедицию в южную Вятку и выявившие немало древних рукописей и старопечатных книг. За период 1969–1978 гг. Библи-

отеклой Академии наук были проведены четыре экспедиции, в ходе которых выявлены основные вехи в формировании старообрядческой книжной культуры региона и создана специализированная коллекция — Вятское территориальное собрание. Количественные итоги этих экспедиций достаточно красноречивы: рукописных книг и фрагментов обнаружено 197, печатных книг — 49.

Несколько успешных экспедиций были проведены в 1978–1983 гг. специалистами Уральского госуниверситета. Следующие экспедиции петербургские и уральские ученые одновременно провели в 1984–1988 гг. В 1984 г., например, уральские археографы приобрели 7 рукописей XIX–XX вв. и 5 старопечатных книг XVII–XX вв. (*К истории книжной культуры южной Вятки: полевые исследования* / под ред. А. А. Амосова, Р. Г. Пихои. Л., 1991. С. 12).

Ценные находки археографов выявили и произведения местного типографского искусства начала XX в., и объемистые сборники литургических текстов, и произведения народного поэтического творчества, и образцы музыкально-певческого искусства.

В одном из сборников духовных стихов имеется писцовая запись — «Калина Степанов Шихалев». Он — автор около десятка стихов. В ряду множества эсхатологических стихов, как «О смерти», «О антихристе», попадаются и стихи светского содержания: «В поли я гуляю на равнине», «Буря море раздымает» и др. (БАН. Отд. рук. и редк. книг. Кировское собрание. 61 р., 77 р. и др.).

Из рукописных книг, полученных, например, в ходе экспедиции 1980-х годов, выделяется конволют XIX в. (Вятское собрание, 206), в составе которого сохранились памятники местной традиции (Житие Трифона Вятского), слова и поучения на праздники, имевшие хождение в разных регионах империи. По вятским сборникам старообрядцев можно судить о большой их любви к духовным стихам. Один из литургических сборников, включающий в себя слова на Рождество Богородицы и на обретение Честного Креста, Сказание о новых чудесах святого Николая и другие тексты, создал в начале XX в. вятский книгописец С. А. Сумцов. Практически все рукописные книги и фрагменты подготовлены местными переписчиками. Известностью пользовались книжники-староверы И. С. Вологжанин, Е. В. Радыгин и др.

Из рукописных книг чаще встречаются Псалтирь (XIX в.), Сборник духовных стихов (XIX в.), Устав о христианском житии (XIX, XX вв.), Сборник молитв и заговоров (XIX в.), Часовник (XIX в.), Лечебник (XVIII в.), Азбука певческая (XIX, XX вв.), Сборник литургический (XIX в.), Сборник учительный (XIX, XX вв.) и др. Из старопечатных книг — Часослов (XIX в.), Библия (типография И. Федорова, выпуск 1581 г.), Часовник (типография местного старообрядца Л. Гребнева, выпуск 1910 г.) и др.

Из интереснейших находок историками-книговедами следует выделить и печатные издания Триады цветную московской печати 1620 г. и знаменитую Острожскую Библию, напечатанную Иваном Федоровым в 1581 г. и входившую в состав библиотеки местного типографа-просветителя Л. А. Гребнева.

Наследие вятских старообрядцев свидетельствует: духовно-нравственное совершенствование, развитие человека или общности людей, стремление к «светлости» непременно сопряжено с умственной деятельностью, с творчеством. Книга (рукописная или печатная) становится в этом случае предметом первой необходимости. И не только обостряется необходимость приобщения к ней в виде чтения (пользования), но и готовность самому ради других и самовыражения творить книгу, которая бы добрым словом и советом несла объединяющее, созидательное начало.

М. М. ГОРДЕЕВА, Южный федеральный ун-т, доцент

ФРАНЦУЗСКИЙ ФЕЛЬЕТОН НА РУССКОЙ ПОЧВЕ

Выдающимся представителем жанра фельетон во французской прессе был Жюль Жанен (Jules Janin, 1804–1874). Не было такой темы, которая была бы ему не подвластна. Даже собственную женитьбу на девушке, которая была на 16 лет моложе его, он обыграл в фельетоне «Женитьба критика». Этот эпизод подробно описан в книге Мержье-Будейкса «„Любовь Жюля Жанена“ и „Женитьба критика“». Неизданная переписка» (*Mergier-Boudeix. «Les amours de Jules Janin» et «Le mariage du Critique»: une correspondance inédite. Paris, 1968*). Яркость, искрометность стиля, подтекст, который был понятен французам, снискали ему популярность как во Франции, так и за ее пределами, в том числе и в России.

В иронично-фельетонном стиле подавались, например, многие публикации «Библиотеки для чтения». Может быть, поэтому в России иногда называли Сенковского «русским Жюль Жаненом». Анализируя публицистику Сенковского, Чернышевский признавал, что истоки его фельетонного стиля — в журналистике Жюля Жанена: говорить как можно меньше о деле и как можно больше о пустяках, растягивать фразы до бесконечности набором десяти-пятнадцати синонимов-прилагательных или глаголов (*Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 3. М., 1947. С. 57*).

В бездумном подражательстве Жанену и другим французским авторам видели современники причину неудач русского фельетона 20–30-х годов XIX в., отмечая его мелкотемье, пустословие, тщетные попытки копировать легкость стиля и остроумие.

Беспощадный портрет литературного хамелеона нарисован И. Панаевым в очерке «Петербургский фельетонист» («Физиология Петербурга», 1845). Впервые под названием «Русский фельетонист» он был напечатан в 3-м номере «Отечественных записок» за 1841 г. В очерке показан типичный литературный поденщик, легко меняющий взгляды в зависимости от взглядов хозяев. По мнению современников, адресуя фельетон всем беспринципным литераторам, Панаев имел в виду конкретного человека — В. С. Межевича, сотрудника булгаринских изданий, редактора «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции».

Однако начиная с 1830-х годов в русской прессе появляется фельетон, в котором все отчетливее проявляется социально-обличительный, сатирический характер. К концу 1840-х годов такого рода фельетон пробивает себе дорогу в России. В отличие от легкого скольжения по верхам в стиле Ж. Жанена, в нем поднимаются серьезные общественные проблемы, социальность содержания обрамляется изящной литературной формой. Ирония, сатира, гротеск — вся палитра изобразительно-выразительных средств делает этот фельетон оружием против косности, несправедливости, квасного патриотизма, невежества.

Л. П. ГРОМОВА, СПбГУ, профессор

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XIX века

Российская журналистика за более чем трехвековую историю своего существования накопила не только позитивный опыт развития, но также ряд неразрешенных проблем, которые занимали служителей пера многих поколений. К числу таких «вечных» вопросов относится этика журналистской деятельности.

Не случайно еще на заре становления русской периодической печати М. В. Ломоносов сформулировал семь заповедей, которые по сути явились первым этическим кодексом российской журналистики. Их содержание до сих пор не утратило значения как основополагающие профессиональные принципы: стремление к истине и уважение к читателю; компетентность и добросовестность; отсутствие предубеждения, а тем более враждебности к оппоненту; доказательность и аргументированность; ответственность и честность перед читателем и перед самим собой.

Русская журналистика с момента возникновения несла в себе идеалы гражданственности, патриотизма, гуманности и высокой нравственности. Именно они определяли этические нормы журналистской деятельности, и всякое их поправление вызывало бурные журналистские дискуссии. Вторжение коммерции в литературное дело породило борьбу с «торговым» направлением в литературе и журналистике 1830-х годов. Тогда впервые публично были высказаны суждения о продажности прессы, сознательного отступления от принятых норм в угоду «золотому тельцу». Негативные черты издательской и журналистской деятельности Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского, несмотря на популярность их изданий, вызвали резкую критику в печати.

Процесс капитализации журналистики в пореформенный период, ускоренный либеральными преобразованиями, в значительной степени изменил взгляд на назначение журналистики. Отношение к ней как к доходному делу, области предпринимательства, предопределил ее характер и содержание, отразился на ее нравственном состоянии. В обозрениях прессы отмечалось снижение уровня и мораль-

ных критериев в деятельности журналистов, писалось о том, что «выше всего поставлен культ публики. . . ищущей в газетах пищи для простого сплетничества».

С развитием массовой газетной периодики «сниженность» этических норм все чаще стала проявляться в характере и тоне газетной полемики. В связи с этим неоднократно предпринимались попытки выработать правила «хорошего тона» в профессиональных взаимоотношениях. Так, А. А. Краевский в 1879 г. разработал «Проект соглашения о пределах литературной полемики», который предусматривал избрание совета литературных посредников для рассмотрения конфликтных вопросов на суде чести.

Проблема безответственности и разрушительных тенденций журналистики была поставлена обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым в статье «Печать», опубликованной в 1896 г. в «Московском сборнике». Он писал о всевластии журналистов, «по милости коих подготовлялись революции, закипало раздражение до ненависти между сословиями и народами», журналист же при этом «выходил сух, как из воды, из всей заведенной им смуты, из всякого погрома и общественного бедствия, коего был причиною». Степень «грехопадения» журналистики, по мнению Победоносцева, являлась отражением нравственного состояния общества и несовершенства законов.

Публицист «Современника» М. А. Антонович, говоря о свободе слова в условиях проведенной цензурной реформы 1865 г., отмечал, что пресса «не может стать выше или ниже других проявлений общественной жизни, регулируемых государством, выше или ниже уровня общих и основных прав, предоставленных гражданам».

Следовательно, этические нормы и ценности, лишь отчасти защищенные правом, нуждаются в более основательных юридических и профессиональных гарантиях. Это проблема, со всей очевидностью вставшая перед журналистикой в XIX в., приобрела в настоящее время актуальный характер.

Г. В. ЖИРКОВ, СПбГУ, профессор

РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА XX века

Процесс демократизации российского общества в начале XX в. касался всех сфер жизни, включая духовную, демократизация которой проходила особенно сложно и противоречиво. Это объясняется целым рядом причин; в их числе наиболее существенную роль играл традиционный консерватизм Русской Православной Церкви, своеобразный ее монополизм на руководство духовной жизнью человека и общества, контроль за нею, что поддерживалось самодержавной властью.

Но в условиях революции 1905 г. власть решилась провести церковную реформу. 17 апреля был обнародован Манифест о веротерпимости.

К этому историческому периоду русская культура и ее светский элемент испытывали расцвет и органично вписывали в себя отражение и воспроизведение духовного мира, что получало воплощение в творчестве русских литераторов и публицистов. Такие мощные фигуры русской культуры, как В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, каждый по-своему обогатили ее духовность. Их деятельность протекала в русле древних традиций, но одновременно соотносилась с идущим процессом демократизации общества: это ставило ее в оппозицию официальной церковности.

Детонатором, усилившим поиски решения духовно-нравственных проблем общества, послужило «Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные грекороссийские церкви о графе Льве Толстом», свидетельствовавшее о его отпадении от Церкви. Н. А. Бердяев писал: «Всеми признается, что зачинателем религиозного брожения в России является Л. Толстой, он пробил брешь в религиозном индифферентизме русской интеллигенции, и запросы религиозного сознания поставил в центре внимания. За это он был отлучен от церкви, именно за свои религиозные искания, так как людей просто индифферентных от церкви не отлучают».

Получившая тогда же развитие в России марксистская радикальная социал-демократия суживала марксизм до политики, рассматривая его как учение, обосновывающее борьбу пролетариата за свои права и диктатуру. При этом не учитывалась как раз духовно-нравственная сторона жизни. Такая ситуация не могла удовлетворить творческие силы русских марксистов. Итогом этого противоречия и поисков его решения стал выход сборника-манифеста «Проблемы идеализма» (1902). Его пафос можно выразить словами С. Н. Булгакова: «...Детерминизм должен почтительно посторониться, чтобы дать место нравственному деянию».

Именно Серебряный век русской культуры, синтезировавший в себе ее высшие достижения и давший миру ее новые достижения, стал почвой возникновения религиозной общественности, религиозно-общественного движения, опиравшегося на идеи и творчество ее корифеев, выступивших на арене «практической философии», в жанре философской публицистики (Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.).

Организационное оформление религиозное общественное движение получило в создании обществ (религиозно-философские собрания, Московское религиозно-философское общество памяти В. С. Соловьева, такого же типа общества в С.-Петербурге и Киеве, Христианское братство борьбы и др.) и сети периодических изданий, в выпуске публицистической литературы, одухотворявшей это движение. У его истоков стояли журналы «Освобождение», «Новый путь», «Вопросы жизни», «Полярная звезда», «Русская мысль».

Журналистика религиозного общественного движения типологически была разнообразной: от листовок и брошюр до газет и сборников — общественно-

политических манифестов «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины». В печати вокруг проблем, поставленных в них, прошли массовые дискуссии. Лишь за год на появление «Вех» (1909) откликнулось более 300 статей. Вышли ответные сборники «Интеллигенция в России», «По вехам», «Великая Россия». Основным типом изданий все-таки оставался журнал («Московский еженедельник», «Накануне», «Век» и др.). Наконец, был организован центр издательской деятельности религиозно-общественного движения — издательство «Путь» (1910–1919), «ориентированное на создание и пропаганду духовных ценностей».

Программа этой печати получила наиболее конкретное выражение при выпуске в свет «большой ежедневной» газеты «Народ» (Киев. 1906. № 7), редакция которой, открывая «орган для обсуждения нужд начинающегося религиозно-общественного движения», ставила задачей «религиозно-общественную проповедь», «создание христианской общественности». Она обещала «отстаивать народную свободу, раскрывать неправду капиталистической эксплуатации и современных земельных отношений, а также настойчиво бороться против национальной вражды». «Христианское возрождение требует не только внешней реформы церкви, — подчеркивалось редакцией, — но и углубления и прояснения религиозно-философского сознания, религиозного освещения запросов и нужд современной культуры».

В русской журналистике начала XX в., отличавшейся богатством типологии, содержательностью информации и проблемно-тематического комплекса, творческим разнообразием форм, свою нишу занимала и журналистика религиозного общественного движения. Многие ее издания в тех условиях были недолговечны, но ее появление, ее общественно-политические манифесты оставили значительный след в развитии духовной жизни России. В условиях современного потребительского общества этот опыт актуален и требует его основательного исследования.

К. Л. КОПТИК, СПбГУ, соискатель

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В РАЗВИТИИ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Еще в середине 1960-х годов исследователь социальной истории церкви Майкл Новак отмечал, что в то время только одно слово нельзя было употребить «в серьезном разговоре, не огорчив кого-либо, и слово это — «Бог» (*Novak, Michael. Belief and Unbelief: A Philosophy of Self-Knowledge, Mentor-Omega / New American Library. New York; Toronto, 1965. P. 17*). Сегодня эта тенденция сохраняется, поэтому следует признать, что процесс диагностики степени развитости духовного мира современного общества затруднен из-за отсутствия разработанных определений. Развитие человека неразрывно связано с образовательным процессом.

Доминирующая модель развития западной цивилизации — создание общества знания. Та же концепция существует на Востоке. Эпоха до возникновения ислама маркируется как период незнания, но, в отличие от западной формулировки концепции, здесь у знания есть объект — и это Бог. В России — стране с идеологически доминантным атеистическим прошлым, так же как и в подавляющем большинстве государств современного мира, принято отделять сферу религии от сферы политики, а духовный мир принято выносить за пределы научной сферы, не включая его в сферу анализа. Еще основоположник классификации теоретических наук при ее разработке пришел к необходимости выделения теологии как отдельной отрасли знания, так как, определив предметы для изучения физикой и математикой, он заключил, что в области изучения этих наук не попадают предметы, чье существование неочевидно, но возможно, а именно такие, которые предположительно существуют отдельно от материи и неподвижно (*Аристотель*. Метафизика. VI 1, 1026a10; 7, XI, 1064a35).

Для того чтобы на научной основе давать компетентные заключения о духовном состоянии общества, а также действенные рекомендации по развитию, необходимо утвердить в системе наук как теологию, так и журналистику для последующей консолидации усилий в разработке подходов и определений без риска вызвать общественный резонанс дестабилизирующего характера, поскольку для успешной коммуникации важно достижение взаимопонимания. Характерно, что древнейший текст о Страшном Суде описывает как раз нарушение возможности помочь друг другу посредством общения в ситуации разделения праведных и грешников, которая очень напоминает ситуацию экзамена, на котором шпаргалки и подсказки категорически запрещены (URL: <http://banshur69.livejournal.com/50957.html>).

О. С. КРУГЛИКОВА, СПбГУ, доцент

САМОДЕРЖАВИЕ В СИСТЕМЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА: ТРАКТОВКА М. Н. КАТКОВА

Влиятельный политик и знаменитый русский публицист XIX в. М. Н. Катков неоднократно обращался к теме духовной связи народа и монарха, не только анализируя сущность и происхождение этой связи, но и пытаясь использовать в политических целях особенности восприятия простонародьем образа государя. В начале 1880-х годов в передовых статьях «Московских ведомостей» под редакцией Каткова была сформулирована его концепция отношений между народом и самодержцем.

М. Н. Катков, поборник политической и философской доктрины консерватизма, оставив в стороне поддерживаемый православием тезис о сакральном происхождении царской власти, попытался осмыслить абсолютистскую систему правле-

ния с точки зрения ее функциональности. Он утверждал, что лишь самодержавие не допускает возможности решения ни малейшего вопроса из своекорыстных интересов правителя.

Никакой выборный орган, с точки зрения Каткова, не действует во имя общего блага и справедливости, ибо в нем попеременно берут верх корыстные сословные интересы той или другой партии. В то время как единоличный правитель, по самой исключительности рождения не принадлежащий ни к какой из партий, ни к одному из сословий, будет находиться *над* личной или сословной корыстью. Нельзя оградить права монарха, ибо они и не дарованы ему в качестве прав, а самим народом возложены на него как тягчайшие обязанности. Аналогично оценивает публицист и положение гражданина в самодержавном государстве: если самодержец имеет более обязанностей, чем прав, то «подданные имеют нечто более, чем права политические, — они имеют политические обязанности. Каждый из русских подданных обязан стоять на страже прав Верховной власти и заботиться о пользах государства <...> Вот наша конституция. Она вся без параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяги на верность» (Московские ведомости. 1886. № 341).

Такая формулировка «русской конституции» имеет изъяны, связанные прежде всего с тем, что Катков нигде не раскрывает механизма, который сделал бы возможным полноценную реализацию каждым своих «конституционных» прав. По верному утверждению Л. А. Тихомирова, «сам лично он, имея газету, мог исполнять эту свою обязанность и таким образом пользовался русской „конституцией“... Но остальные десятки миллионов русских подданных не имели... орудий служения присяге своей» (Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 315).

В этом концептуальном «пробеле» кроются широкие возможности для манипулирования общественным мнением. Катков с помощью активной агитации в «Московских ведомостях» в период восстания в Польше в 1863 г. смог побудить народ к патриотическим выступлениям в поддержку престола, и широкомасштабная общественно-политическая кампания верноподданнических адресов стала как бы живой иллюстрацией к катковской идее единственно справедливого, «над миром» стоящего монарха, к которому стекаются выражения народной признательности. Но, если предположить, что в обращении к монарху высказывалась бы не признательность, а критика, вряд ли права народа по «русской конституции» Каткова могли быть реализованы.

Концепция самодержавия Каткова не учитывала еще один важный фактор. Говоря о том, что «монархическое начало росло вместе с русским народом» (Московские ведомости. 1884. №12) и, следовательно, никогда не прерывалась духовная связь между монархом и подданными, он как бы не принимал во внимание необходимую для функционирования государственной системы прослойку государевых слуг — чиновников, каждый из которых был и сословен, и тщеславен, и корыстен.

Причем это теоретическое противоречие не мешало Каткову на практике признавать значение разветвленного аппарата управления в стране и стремиться взаимодействовать с ним, увеличивая свое политическое влияние.

Е. В. КУРБАКОВА, Нижегородский гос. ун-т, доцент

ВЛАСТЬ И ПРЕССА «НА МЕСТАХ»

Изучение истории взаимоотношений региональной власти и местной журналистики в России имеет не только научное, но и вполне конкретное практическое значение. Интерес к данной проблеме обусловлен ценностью освоения исторического опыта региональной управленческой политики в России, связан с задачами укрепления демократии, правопорядка и ролью общественного мнения в судьбе страны.

На начальном этапе возникновения прессы в российских регионах (в большинстве губерний — с 1838 г.) периодика служила средством массовой информации населения: страницы газет помещали актуальную официальную (тексты высочайших повелений, распоряжений правительства и местной власти) и неофициальную информацию о жизни губерний и уездов. Имея «дозволение печатать статьи научного характера, относящиеся более или менее до местности: сведения географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и прочие», журналисты региональных изданий вели просветительскую работу, которая была необходима не только для повышения общего культурного уровня населения, но и для развития самосознания провинции.

В эпоху Великих реформ власть вознамерилась осуществлять грандиозные преобразования в стране с опорой на поддержку общественного мнения, и периодической печати была доверена важная роль средства массовой коммуникации. Прессе предстояло «образовать из себя посредников общественной мысли между центробежную ее силою, исходящую из столицы, и центростремительную — из всех уголков необъятной России» (К. В. Трубников). Поскольку «провинция — суть всей силы и бессилия своего центра» (А. С. Гациский), к «оздоровлению» государства в целом способно привести именно локальное и повсеместное решение проблем. Журналистика получала огромные полномочия: с одной стороны, обнаруживать недостатки и обличать конкретных местных деятелей; с другой — задавать направление конструктивной работе «на местах».

Исторический материал свидетельствует: на начальном этапе (до конца 1880-х годов) взаимодействие региональных журналистов с местной властью осуществлялось в целях позиционирования обусловленных реальностью жизнеспособных, позитивных, поступательных преобразований. В дальнейшем (с начала 1890-х годов) многие из журналистов сложность своего пути стремились упростить легко-

стью фельетонных сюжетов из местной жизни, подчас существенно искажающих существо информационного повода: в прессе все чаще стали появляться материалы деструктивного плана, по существу демагогические, направленные на взрыв и разрушение.

С осени 1917 г. до середины 80-х годов XX в. роль журналистики в России была сужена до функции агитатора и пропагандиста. «Лихие» девяностые годы прошлого столетия позволили журналистике быть настолько «свободной», что это стало причиной потери к ней доверия. Реалии сегодняшнего дня вновь ставят в ряд первостепенных задач проблему «власти прессы»: под силу ли региональной журналистике роль авторитетного, компетентного и убедительного эксперта, способного корректно коммуницировать с читателем (слушателем, зрителем)?

Практика конструктивного воздействия региональной прессы второй половины XIX в. на повседневную реальность — примеры обличения конкретных злоупотреблений «на местах», а не расширительные обвинения в адрес власти вообще — является опытом грамотного влияния не только на властные структуры, но и на общественное мнение регионов. Этот опыт представляет интерес для практики современных журналистов.

Д. А. КУРДЮКОВА, СПбГУ, соискатель

РОЛЬ РАДИО В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКА

Возможности эффективного участия радио в процессе социализации определяют-ся как его выразительными средствами, которые оставляют свободу для индивидуальных образов и представлений, так и коммуникативными особенностями, сочетающимися интерактивные ресурсы с анонимностью контактов.

Исследователи (И. М. Дзялошинский, Т. И. Фролова и др.) отмечают, что у современного радио существуют установки на «воздействие» на аудиторию, информирование аудитории, на взаимодействие или соучастие журналиста и слушателя. Практически все передачи для подростков на российских радиостанциях ориентированы на информирование и воздействие, к примеру: «Легенды русского рока», «Лестница в небо» — «Маяк» (объем аудитории составляет 10,7% за 2008 г.); «Чартова дюжина» — «Наше радио» (10,4%); «Live» — «Радио Рокс» (5,8 %); «Интернет» — радио «Свобода» (1,2%). Радио по-прежнему находится в режиме «вертикальной» коммуникации, в отличие от интерактивной, «горизонтальной», предлагаемой социальными сетями Интернета. Подобные привычные установки исключают активное взаимодействие с категорией слушателей, которая в силу возрастных особенностей нуждается в самовыражении, понимании и сотрудничестве.

Для сравнения: во Франции основные радиостанции для подростков являются в основном музыкальными (тематическими) — Fun radio, Skyrock, NRJ, что способствует эмоциональному контакту с аудиторией, а кроме того, практикуется общение на языке подростков. Lovin Fun — одна из самых успешных передач для подростков во Франции. В данной радиопередаче появился специальный язык для подростков, которым активно пользовались ведущие (Catherine Pinet-Fernandes).

У подростков во Франции традиционно с самого начала радио стало средством для анонимного общения с многочисленной аудиторией через ведущего. Уже в 1990-е годы подросток мог свободно позвонить на соответствующее радио и рассказать о своих проблемах, получить совет от ведущего.

Радио воздействует на подростка через слух. Поэтому так важна роль ведущего, который, общаясь с аудиторией, эмоционально на нее воздействует. Радио в данном контексте выступает не как средство информации, а как средство коммуникации.

Н. И. ЛИ, СПбГУ, аспирант

ДИНАМИЗМ В ПОРТРЕТНОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И. А. БУНИНА)

Изобразительная сторона портретного очерка статична по своей природе. Известны многочисленные попытки писателей и художников преодолеть эту статичность в жанре классического экспозиционного портрета, в котором акцент делается на индивидуально-неповторимые качества героя и его вовлеченность в динамический жизненный процесс.

Поиск эффективных средств для придания динамизма изображаемому составляет одну из характерных черт художественной публицистики И. А. Бунина.

В русской литературе на рубеже XIX–XX вв. в творчестве И. А. Бунина и ряда других писателей обозначился «небывалый расцвет пластических начал» (*Фесенко Э. Я.* Теория литературы: учеб. пособие для вузов. М., 2008. С. 519), отмеченный попыткой передать субъективные впечатления яркой детализацией, усилением динамического способа представления персонажа, оживающего и движущегося в сознании читателя.

В автобиографических очерках Бунина представлен круг людей, составлявший ту среду общения писателя, на фоне которой он осмыслил себя, свою деятельность, вопросы человеческого бытия, пытаюсь «запомнить, сохранить, удержать в себе это окружающее» (*Бунин И.* Стихотворения. Рассказы. Повести. М., 1973. С. 390). В его очерках упоминается более тысячи деятелей культуры (см.: *Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. Милицы Грин: в 3 т. Т. 1. М., 1977. С.161*). Среди них мы выделяем А. С. Пушкина

кина и А. П. Чехова, писателей, стоявших у двух границ золотого века русской классической литературы. Анализ портретного представления современника Бунина (А. П. Чехова) и его предшественника (А. С. Пушкина) выявляет различные принципы их изображения, что в значительной мере обусловлено социальными, эстетическими и другими пристрастиями автора.

Так, при описании Чехова доминирует биографическая установка, и портрет включается в хронику его жизни: «...Он *делался с годами* похож на них все больше и *состарился* душевно и телесно очень рано», «...*Будучи всего сорока лет*, он уже *стал похож* на очень пожилого монгола своим желтоватым, морщинистым лицом» (Бунин И. А. О Чехове. Нью-Йорк, 1955. С. 36). Портрет динамически нарастает в пространстве текста. При этом автор апеллирует к актуальным фоновым знаниям современников, отсылает к облику Чехова, хранимому в коллективной памяти.

Степень портретной конкретизации уменьшается при описании объекта, удаленного во времени (Пушкина), но немногочисленные яркие детали активизируют ассоциативный фон в сознании читателя и заставляют «дорисовать» образ персонажа: «...Лежат под стеклом кое-какие вещи Пушкина: черный жилет, белая бальная перчатка, палка» (URL: http://www.russianeurope.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=76&Itemid=55. — Под Серпом и молотом. С. 6). Такая установка на лаконизм и селективность описания позволяет И. Бунину сблизиться с самим объектом изображения как с родным, близким, известным: «...Имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне „нашего“ по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним» — и передать гамму чувств и воспоминаний, связанных с дорогим памятью прошлым: «...Восковая свеча с панихиды по нем... Смотрел — стеснялось дыхание. Как все хорошо, безжизненно и печально! Век еще более давний и потому кажущийся еще тоньше...» (Бунин И. А. Обреченный дом. М., 2002. С. 23). Таким образом, герой как бы «мерцает» сквозь ткань повествования» (Фесенко Э. Я. Указ. соч. С. 518).

Воссоздание в публицистике портрета деятелей русской культуры через субъективное авторское впечатление обеспечивает художественную целостность образа, его эмоциональность, динамику не только в сюжете очерков, но и в восприятии читателя.

Е. В. МИНКИНА, СПб. академия управления и экономики, доцент

«МИР ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ» В ПУБЛИКАЦИЯХ «СТАРЫХ ГОДОВ»

Мир русской усадьбы, просуществовавший почти столетие, называют самым гармоничным и духовно наполненным явлением национальной культуры, насыщенным традициями духовного бытия русского дворянства. Русская усадебная куль-

тура сформировала особые традиции жизни, складывавшиеся на протяжении нескольких поколений, и пришла в упадок в одночасье. Капитализация жизни в начале XX в., расширение территории городов, вырубка старинных садов, разрушение дворцовых построек вызвали ностальгические чувства по прошлой жизни.

На рубеже веков возник «усадебный миф». Само месторасположение дома всегда соприкасается с гармонией природы, концентрирует поэтическую, духовную насыщенность. Интерьер исторической усадьбы, с ее знаменитыми анфиладами, чередованием гостиной, библиотеки, кабинета, детской, портретной, представляет собой своеобразную сцену, на которой разыгрывался спектакль жизни с ее духовной наполненностью. Театральность восприятия мира переносилась и на ландшафтную архитектуру. Прекрасные библиотеки взрастили поколения русских мыслителей и литераторов. Здесь был пройден путь от домашних музыкальных концертов до произведений П. Чайковского и С. Рахманинова. Дворянский усадебный быт сформировал особую культуру поведения, внутренний патриотизм. Семейные портретные галереи сохранили не только память о предках, но и утверждали чувство родовой чести. На это первыми обратили внимание члены общества «Мир искусства», организовав в Петербурге Таврическую выставку русского портрета в 1905 г. Для этих целей ими были предприняты поездки по провинции и выявлены многие забытые произведения, хранящиеся в домашних галереях.

Их начинание продолжили члены редакции журнала «Старые годы», духовно связанные с «Миром искусства» и принимавшие участие в подготовке выставки. Так, в 1910 г. в «Старых годах» (1910. Май–июнь; июль–сент.) вышли очерки русского искусства и быта, посвященные старинным дворянским усадьбам. Собирая материал, авторы статей досконально изучали петербургские, черниговские и подмосковные имения, принадлежавшие самым известным русским родам и императорской семье: Голицыным, Салтыковым, Шереметевым, Паниным и др. Открывала серию очерков публикация Н. Н. Врангеля «Помещицья Россия» (Июль–сент. С. 5–79.). В рубрике «Библиографические листки» Н. В. Соловьевым была приведена библиография материалов, касающихся усадеб (Там же. С. 186–192). П. П. Вейнер, Н. Е. Макаренко, А. В. Средин, А. А. Трубников и другие авторы в очерках опираются не только на свои наблюдения и исследования, но также и на предыдущие публикации по теме (С. Д. Шереметева, Ф. Ф. Вигеля и др.). Очерки строятся по определенному плану: 1) знакомство с владельцем коллекции, 2) маршрут путешествия, 3) исследование уклада жизни, собирательских увлечений хозяев. Для авторов публикаций характерны подробное изучение предметов, интересных для аудитории журнала и для исследования, детализация описания, исторические справки, поиск аналогий. Читателям «Старых годов» были очень важны упоминания об источниках поступления, отсылки к владельцам. Произведения Вейнера, Врангеля, Трубникова и других авторов вызывали большой отклик в сердцах любителей искусства. Планировалось

их дальнейшее отдельное издание, материал был собран обширный, и многое не могло уместиться в рамках одного журнального выпуска.

Очерки о мире дворянской усадьбы вызывают большой интерес и сегодня. Следовательно, они выполняют одну из задач, которую ставили перед собой авторы, — воспитывать у читателя любовь к историческому наследию Родины, вкус и интерес к искусству.

Е. А. НИКОЛИХИНА, газета «Вечерний Северодвинск», ответственный секретарь

СУБСТАНЦИЯ ИЗ «ДУХОВКИ»

«Журналистика и духовная жизнь общества» — одна из тем, предложенных для обсуждения на конференции. В первую минуту соединительный союз «и» парадоксальным образом показался здесь разделительным. И не просто разделительным — пропастью, которая стремительно увеличивается. Но почему это происходит? Потому что духовная жизнь общества не интересна современной журналистике? Или потому что исчезает она сама — эта духовная жизнь?

...Архангельский сайт www.arhperspectiva.ru еженедельно предлагает своим читателям обзор печатных средств массовой информации области. В июле прошлого года в его поле зрения попала газета «Вечерний Северодвинск». Перечислив актуальные городские темы издания, обозреватель пишет: «Но ценен „Вечерний Северодвинск“ все-таки другим: это единственная из участвующих в обзоре газета, которая разместила отклик на безусловное культурное событие июля — фильм „Подстрочник“, прошедший по РТР. А это дорогого стоит». Мне же дорог этот отклик — как автору той самой публикации о «Подстрочнике». Но тогда вместе с радостью: заметили! — пришло и удивление. И не из-за того, что наша газета была единственной в области, написавшей о киномонологе переводчицы Лилианы Лунгиной. А из-за того, что такого рода публикации становятся чем-то из ряда вон выходящим, особенным. Как и подобные передачи.

«Так называемая „духовка“», — говорит с экрана телевизора блондинка и делает характерный жест, обозначающий кавычки. Сейчас сложно сказать, кто первым назвал духовную жизнь духовкой. Одни едва ли не приписывают это Ксении Собчак. Другие утверждают, что «духовка» — это жаргон 90-х годов, когда «новым русским» было явно не до духовных ценностей. Прав, скорее, публицист Лев Рубинштейн, упомянувший в одном из своих эссе, что это слово было в ходу еще в 70-е годы XX в. И тогда оно выражало ироническую реакцию на «лишенные реального содержания разговоры» о всякого рода «непреходящих ценностях».

Так или иначе, сейчас это словечко снова в обиходе. Потому что «духовка» входит в моду. Вот и редактор журнала «GQ» Николай Усков делает в одной из телепередач признание: «На смену гламуру пришла более духовная субстанция».

Можно ли противопоставить этой модной «субстанции» настоящую, безо всяких кавычек, духовную жизнь? Можно ли быть успешным изданием, тем более в провинции, и при этом интересно, не скучно, содержательно, достойно писать о настоящих духовных ценностях? На примере газеты «Вечерний Северодвинск» отвечаю: да. И дело не только в том, чтобы замечать яркие культурные явления.

Когда я рассказываю об очерке студентам филологического факультета Северодвинского филиала Поморского государственного университета, которые выбрали специализацией журналистику, мне не надо далеко ходить за примерами. «Вечерка» постоянно публикует очерки о людях, которые живут полноценной и сложной духовной жизнью. Сельский священник... Многодетная мать... Бывший подводник... Юноша, сумевший простить душевно больного человека, который тяжело ранил его... Пока эти люди остаются в нашем поле зрения, есть надежда, что пропасть между журналистикой и духовной жизнью общества не будет расти.

Н. А. ПИРГОВСКАЯ, СПбГУ, соискатель

ЖУРНАЛ «ТОРГОВЛЯ» («ТОРГОВЛЯ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА», «РУССКОЕ ТОРГОВОЕ ДЕЛО») (1901–1903): ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ

Журнал «Торговля» (1901, СПб.) начинался как продолжение издававшегося в 1900 г. в Германии на русском языке ежемесячного «Торгово-промышленного журнала Бюргеля» (последний являлся официальным органом Немецко-русского общества для содействия обоюдным торговым сношениям). Редактором-издателем нового журнала «Торговля» был доктор философии Гейдельбергского университета, дворянин Лифляндской губернии Арвед Эдуардович фон-Каулл, который в июле 1900 г. приобрел в собственность журнал у г. Мартина Бюргеля (РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Ед. хр. 1365) (издание прекратило свое существование в Германии с момента выхода «Торговли» в России).

В программу тонкого ежемесячного торгово-промышленного журнала «Торговля» входило: освещение вопросов торговли и развития промышленности, сельского хозяйства; знакомство с экономической жизнью других стран с целью содействия развитию российской экономики, увеличения товарообмена между Россией и другими государствами (в особенности Германией); информация о законодательной деятельности, отражавшей финансовые вопросы и вопросы торговли; рекламные объявления, в основном продукции немецких производителей. Журнал предоставлял российскому читателю информацию (30–40% объема) аналитического, проблемного и содержательного характера о торговых взаимоотношениях между странами, о состоянии дел в различных отраслях экономики России и зарубежных стран.

Вышло в свет 6 номеров «Торговли» (январь — июнь, 1901). В июне 1901 г. А. Э. фон-Каулл приобрел право на издание журнала «Современная техника» у г-на Тильманса, и объединенное издание под общим заглавием «Торговля и современная техника» тиражом в 5 500 экземпляров выходило в С.-Петербурге с июля 1901 г. (№ 7–12) по ноябрь 1902 г. (№ 1–19) как ежемесячный иллюстрированный торгово-промышленный и технический журнал. Его программа была расширена добавлением статей о достижениях в области науки и техники с приложением рисунков и чертежей о технических новинках, описанием их эксплуатации. Акцент был сделан на внедрение этих достижений в промышленность, сельское хозяйство России.

С марта 1902 г. редакция обновленного журнала изменила его формат, стала выпускать его два раза в месяц, ввела новые рубрики «Отзывы печати по торгово-промышленным вопросам», «Новости промышленности», «Новости техники и знания», сократила на 1/3 объем журнала (с 40 до 20–26 страниц), к отдельным номерам выпускала рекламные приложения (16–18 страниц).

22 ноября 1902 г. издание А. Э. фон-Кауллa вышло под новым названием «Русское торговое дело», обозначив себя как «еженедельная газета практической торговли и промышленности», хотя издавалось в прежнем журнальном формате. Целью изменений было предоставление читателю более оперативной информации о состоянии торговой жизни России, поэтому на первый план в программе издания ставились вопросы развития торговли и промышленности, а освещению технических новинок уделялось второстепенное значение. «Русское торговое дело» (1902–1903) имело тираж 1000 экземпляров (объем — 16 страниц). Был изменен формат: расширена рубрика распоряжений правительства по торговле и промышленности; информация в разделе «Хроника» стала структурированной по отраслям экономики и сферам деятельности, что значительно облегчало ее поиск; были добавлены: «Справочный отдел», предоставлявший еженедельные сведения о текущей торговой жизни страны с описанием проходивших ярмарок, торгов, поставок, подрядов и пр., раздел корреспонденции, занимавшийся ответами на вопросы читателей, «Библиография». Хотя объем информации был значительно расширен: охватывал торговую, экономическую, финансовую, промышленную, законодательную сферы деятельности страны, — но предлагался в краткой содержательной форме и приобрел более практическую направленность.

Развитие журнала «Торговля» («Торговля и современная техника», «Русское торговое дело») сопровождалось не только сменой названия издания, но и расширением его программы, увеличением периодичности выхода; оно проходило в общем русле процессов становления капитализации, экономического роста, развития промышленности и производства в России, расширения ее внешних связей.

Н. В. РОМАНОВСКАЯ, СПбГУ, соискатель

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ НА СТРАНИЦАХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

В духовной жизни современного российского общества наметился заметный спад. В иерархии ценностей нравственные и духовные ориентиры уступили место материальным. Изменилось также отношение россиян к семье и семейным ценностям.

Эту тенденцию в полной мере отражают средства массовой информации, в особенности телевидение. Программы акцентируют внимание на жестокости, насилии, пороке, скандалах, цинизме и аморальных супружеских отношениях. Яркие примеры — телепередачи «Дом-2», «Брачное чтиво», «Пусть говорят», «Час суда»; зарубежные сериалы, киноленты и мультфильмы, которые формируют у зрителей искаженное представление о семейных ценностях.

В противоположность светским СМИ православные средства массовой информации, в частности церковные периодические издания, формируют положительный образ христианской семьи, основанной на взаимной любви и уважении. Теме семьи и брака отводится важное место в каждом выпуске газеты «Благодарение», «Сибирской Православной Газеты», журналов «Православная беседа», «Православная семья» и др.

В них практически не найти негативных примеров семейных отношений, описания фактов жестокости в семье, материалов о безнравственном поведении супругов. Они допустимы лишь в том случае, если это реальная история раскаявшегося человека, который осознал ошибки и благодаря вере в Бога изменил отношение к близким людям.

Православная печать отражает точку зрения Церкви на брак. В ней освещаются различные аспекты семейной проблематики: что такое любовь, что должно быть в основе христианской семьи; воспитание подрастающего поколения, распределение ролей между супругами и детьми. В целом религиозным СМИ свойственны проповеднические интонации. В них находят отражение нравственные ценности, на которых должна базироваться современная христианская семья; это прежде всего любовь к Богу и друг к другу, верность, ответственность, доверие, сочувствие, терпение, честность, храбрость. На тему семьи и брака обычно выступают священнослужители, которые могут убедить, в первую очередь молодежь, в правильности создания семьи на основе христианских ценностей. Жанровая палитра ограничена информационно-аналитическими формами: интервью, аналитическая статья, комментарий, беседа, лекция, проповедь, размышление. Публикации отличаются фактологической точностью и убедительной доказательной базой: приводят социологические данные, их интерпретация, сравнительно-сопоставительный анализ отношения к семье в тот или иной исторический период развития страны и

т. д. Цель авторов — не просто предоставить читателю важные сведения, а вместе с ним осмыслить информацию, понять и оценить ее.

Православные средства массовой информации ориентированы как на верующих людей, так и на тех, кто находится на пути духовных исканий. Они являются некой точкой опоры нравственности, поскольку всеми доступными средствами стремятся противостоять разрушительным тенденциям, которым подвержено современное общество.

А. Л. СЕМЕНОВА, Новгородский гос. ун-т, доцент

ЖУРНАЛ В. А. КОЖЕВНИКОВА «ПРАВДА» (1904–1906) И ЦЕНЗУРА

Цензурные условия, в которых существовала отечественная периодика начала XX в., не менялись на протяжении почти полувека.

Архивные документы проливают свет на судьбу первого московского марксистского журнала. В. А. Кожевников получил разрешение на издание журнала на условиях предварительной цензуры. В ноябре 1904 г. он стал ходатайствовать перед Главным управлением по делам печати о разрешении изменить цензурные условия выхода журнала, о его освобождении от предварительной цензуры.

Однако 22 ноября 1904 г. Кожевников получил отказ. Причиной отказа послужило то, что уже с первых номеров журнал Кожевникова удостоился особого внимания цензурного ведомства. В феврале 1904 г. в Главное управление по делам печати поступило донесение цензора, который сообщал: «Физиономия нового журнала уже настолько выяснилась, что я считаю долгом обратить на него внимание Цензурного комитета». Так как «делавшиеся ранее цензором неоднократные указания редакции о необходимости изменить усвоенное ею направление с радикальным и марксистским оттенком, остались без надлежащего воздействия», то Московский цензурный комитет, обсудив доклад, принял решение: «Предложить цензору, ввиду такого явного и упорного противодействия редакции цензурным требованиям, усугубить строгость по отношению к названному журналу. . .» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. № 1688. Л. 23).

Цензурная история журнала «Правда» показывает, что отношение чиновников цензурного ведомства к изданиям также менялось в зависимости от общественно-политической обстановки в стране. Например, заключение члена Совета Главного управления по делам печати действительного статского советника Никольского по поводу представления Московским цензурным комитетом от 12 февраля 1904 г. за № 476 о направлении журнала «Правда» было весьма снисходительным: «Журнал либеральный». «Журнал этот не представляет чего-либо особенно яркого, выдающегося в смысле радикализма в ряду существующих „толстых“ журналов; большинство последних — того же направления, а некоторые несомненно радикаль-

нее» (Там же. Л. 27–27об.). Вывод, к которому пришел М. В. Никольский, — «достаточно цензуры», чтобы не обострять ситуацию «без всякой пользы для дела» (Там же. Л. 30). Его ответ был датирован 10 марта 1904 г. А через год (20 апреля 1905 г.) Никольский поддержал жесткие карательные меры по отношению к апрельской книжке журнала В. А. Кожевникова «Правда», найдя их правильными (Там же. Л. 30).

Осенью 1904 г. был задержан выход ноябрьского номера, и редакция вынуждена была извиняться перед подписчиками за этот прискорбный факт (Правда. 1904. № 11. С. 282).

Перед титулом пятого номера «Правды» (1905) на отдельном листочке было вклеено примечание: «конец предисловия к статье „Положение рабочего класса в России“ (Правда, май 1905 стр. 156) не мог быть напечатан полностью по независящим от редакции обстоятельствам» (Там же. 1905. № 5).

Характер таких редакционных сообщений носил явно выраженный протестный характер, так как редакция давала понять читателям, о каких конкретных вопросах политической жизни цензура запрещает вести разговор на страницах журнала.

24 ноября 1905 г. в силу вступили новые Временные правила, которые освобождали печать от предварительной цензуры, но давали широкие возможности для административно-судебного преследования, что сказалось на судьбе журнала «Правда», издававшегося В. А. Кожевниковым.

О. В. СИДЕЛЬНИКОВА, Курский гос. ун-т, ст. преподаватель

ПРАВОСЛАВИЕ В СЕТИ: УРОВНИ ПРИСУТСТВИЯ

В настоящее время, по данным портала Rambler (проект «RUMетрика»), совокупная аудитория религиозных сайтов русскоязычного сектора Интернета составляет 0,24% от общей аудитории (данные на 1 марта 2010 г.). Из них порядка 51% читают православные сайты. По данным Rambler Top 100 на 1 марта 2010 г. тройка лидеров среди религиозных ресурсов выглядит следующим образом: «Православие.Ru» (<http://www.pravoslavie.ru/>), православный церковный календарь, иконы, жития, храмы (<http://days.pravoslavie.ru/>) и «Православие и мир: Крестопоклонная неделя» (<http://www.prawmir.ru/>).

Что касается типологической структуры православного Рунета, то, как показало исследование, за последние десять лет она значительно расширилась. В частности, нами были выделены следующие уровни присутствия православных ресурсов в Сети.

1. *Каталоги и поисковые системы* — веб-сайты, предоставляющие возможность поиска информации в Интернете. Они могут быть как универсальными, т. е. содержащими информацию, касающуюся всех аспектов православия, например «Православное христианство.ru» (<http://www.hristianstvo.ru/>), так и тематическими, например сайт «Христианство в искусстве: иконы, фрески, мозаики» (<http://www.icon-art.info/links.php?lng=ru>).

2. *Информационно-новостные порталы.* Основное их содержание — информация о текущих событиях из мира православия, аналитические и исторические материалы религиозной тематики, обзоры. Наиболее популярные — «Православие. Ru» (<http://www.pravoslavie.ru/>), «Седмица» (<http://www.sedmitza.ru/>) и пр.

3. *Сайты епархий.* Основная цель создания — всестороннее освещение различных сторон жизнедеятельности конкретной епархии, оперативное взаимодействие с прихожанами, а также со светскими СМИ, общественными организациями и органами власти региона (например, официальный сайт Московского Патриарха «Патриархия. Ru» (<http://www.patriarchia.ru/>), официальный сайт Смоленской и Вяземской епархии (<http://www.smoleparh.ru/>) и пр.).

4. *Сайты храмов и монастырей* — содержат информацию, касающуюся жизнедеятельности конкретного прихода (новости, материалы по истории, расписание богослужений и пр.). Например, сайт храма Рождества Иоанна Предтечи на Пресне (<http://www.ioannpr.ru/>), храма Ризоположения Пресвятой Богородицы в Леонове (<http://www.hram-leonovo.ru/>) и пр.

5. *Православные интернет-библиотеки* — одни из самых популярных по посещаемости веб-ресурсы. Наиболее крупная и удобная — библиотека православно-го христианина «Благовещение» (wco.ru/biblio). Огромное количество текстов находится на странице Алексея Лебедева (www.pagez.ru). Большим авторитетом пользуется «Библиотека Якова Кротова» (www.krotov.info).

6. *Православные блоги* — авторские интернет-странички, предоставляющие возможности дневниковых записей-размышлений, публичного их обсуждения, объединения пользователей в группы и общения между собой. В настоящее время российская блогосфера насчитывает 216 православных блогов, самые популярные — <http://mashenka-sench.livejournal.com/>, <http://yarowind.livejournal.com/>, <http://rebrik.livejournal.com/> (по данным проекта «Рейтинг блогов православных авторов» на портале «Православие и мир», 1 марта 2010 г.).

7. *Православные форумы и чаты* — веб-приложения для организации общения посетителей веб-сайта. Наиболее известные — православный форум «Доброе слово» (<http://dobroeslovo.ru/>), «Православный форум» (<http://forum.audiobookstore.ru/>) и пр.

О. В. СЛЯДНЕВА, СПбГУ, доцент

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ 1900–1910-х годов

На волне демократических свобод, провозглашенных правительственным Манифестом 17 октября 1905 г., в России появилось огромное количество новых периодических изданий, в том числе профессиональных, таких как «Листок булочников и кондитеров», «Голос извозчика», «Голос приказчика», «Конфетчик», «Голос

табачника», «Газетчик», «Голос парикмахера», «Жизнь приказчика», «Листок рабочих по обработке дерева», «Писчебумажник», «Русский мельник», «Голос пожарного», «Русский врач» и др.

Эти издания органично делятся на два совершенно самостоятельных типа.

Первый тип, представленный большинством профессиональных изданий, — это газеты и журналы, возникшие на волне революционной борьбы с целью организации рабочих в профессиональные союзы, имевшие в перспективе планы борьбы за свои права.

Манифест 17 октября 1905 г. обнародовал право рабочих объединяться в профессиональные союзы. Вскоре начали появляться профсоюзы по различным специальностям: профсоюз железнодорожников, литейщиков, ткачей и др. Некоторые из них стали выпускать свои, профессиональные (профсоюзные), издания.

Внешне эти издания очень схожи между собой, независимо от того, именовали они себя газетой или журналом: это издания небольшого формата, объемом от 8 до 16 страниц, т. е. нечто среднее между газетой и журналом. Периодичность изданий, именовавших себя газетами, чаще всего бывала заявлена как еженедельная, иногда двухнедельная, но фактически ни одному из просмотренных мною изданий не удалось выдержать этот график выпусков: они выходили примерно раз в месяц и реже. Нередко перерыв между выпусками составлял несколько месяцев. Очевидно, задумывая издание как еженедельное или двухнедельное, издатели переоценивали свои возможности, как организационные (сбор информации), так и финансовые. На страницах этих газет и журналов можно было встретить сетования редакторов на недостаток информации по профилю, просьбы к читателям присылать больше материалов, «не стесняясь ни слогом, ни малограмотностью» (Голос извозчика. 1906. № 1, С. 1), «не стесняться почерком и неграмотностью» (Конфектчик. 1906, № 1. С. 1), постоянные призывы подписываться на профессиональное издание и привлекать к подписке товарищей по профессии.

Издания эти печатались на деньги, собранные в виде членских взносов (профсоюзные газеты / журналы были основной статьей расходования этих денег, о чем свидетельствуют отчеты на их страницах).

Основной задачей профсоюзного движения в России было объединение рабочих одной профессии, заинтересованных в выработке законов и правил, регламентирующих отношения работника и работодателя в данной профессиональной сфере. Профессиональные структуры очень существенно отличались друг от друга, поэтому и организационные проблемы в каждом профсоюзе имели свои особенности. В деле объединения рабочих большого завода, например, успех зависел в первую очередь от убедительности доводов и активности организаторов профдвижения. А вот объединить людей, работающих по найму на небольших предприятиях, — пекарей, извозчиков, парикмахеров и пр., — было значительно труднее. Например, легковые извозчики (легковые — те, которые возили пассажиров, в отличие от них

существовали ломовые извозчики — грузоперевозчики, они составляли другой профсоюз — союз ломовых извозчиков и крючников, т. е. грузчиков) работали «от хозяина»: в городе существовало несколько извозпромышленников, «хозяев», которые держали лошадей и кареты, повозки, они обеспечивали извозчиков жильем и платили им зарплату. «Хозяева», например, в Санкт-Петербурге исчислялись десятками; извозчиков, по данным газеты, в Петербурге было до тридцати тысяч (Голос извозчика. 1906. № 1. С. 1). Таким образом, работавшие на одного извозпромышленника извозчики никак не были связаны с извозчиками другого «хозяина».

Разобщены были представители таких профессий, как пекари, кондитеры, парикмахеры и др. Объединяющая функция их профессиональных изданий была особенно важна.

Второй тип профессиональных изданий, появившихся на волне свобод 1905 г., — это газеты и журналы, далекие от классовой борьбы, ставившие себе целью повышение авторитета профессии, развитие отрасли, обмен профессиональным опытом и профессиональной информацией. К этой категории относятся газета «Голос пожарного», газета «Русский врач», журнал «Русский мельник». По формату и объему все эти издания примерно одинаковы — от 16 до 32 страниц.

По тематике, по аудитории, по составу авторов издания второго типа резко отличаются от изданий первого типа. Они адресованы не рабочим каждой данной отрасли, а среднему, наиболее активному, звену профессионалов — инженерам, технологам, мастерам (в газете «Русский мельник» и журнале «Голос пожарного»), врачам-практикам (в газете «Русский врач»). Во главе таких изданий стояли, как правило, профессионалы достаточно высокого уровня — инженеры, технологи, профессора, врачи.

Эти издания публиковали материалы о последних научных и технических достижениях в каждой данной отрасли, о результатах внедрения новых изобретений и технологий, статистические данные о состоянии отрасли («Русский мельник»), отчеты о текущей работе («Голос пожарного»), информацию о профессиональных съездах, конференциях, симпозиумах («Русский врач»).

Е. С. СОНИНА, СПбГУ, доцент

КАРИКАТУРА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГАЗЕТЕ

Реконструируя картину прошедшего, историк сталкивается с узостью доступных ему способов найти ответы на самые простые вопросы. Мы не знаем, как жили люди раньше; мы можем об этом только догадываться, составлять мозаичные кусочки из воспоминаний, документов, публицистики, писем. Одним из способов

понять прошедшее является изучение живописного, графического и любого другого визуального наследия.

В карикатуре как в концентрированном взгляде общества заложены социальные предпочтения и предрассудки, иначе рисунок не был бы понятен большинству. Кроме того, в сатирических росчерках содержится некое программирование общественного мнения, манипулирование сознанием читателей по политическим, экономическим, личностным и другим мотивам. От лубков до язвительных рисунков протопопа Аввакума, от «Журнала карикатур на 1808 г.» А. Г. Венецианова до всплеска сатиры в эпоху Великих реформ, от расцвета иллюстрированных сатирических журналов в Первую русскую революцию до современного понятия инфографики, включающего в себя и карикатуру, — вот тот долгий путь, который прошли отечественные сатирические рисунки.

По карикатурам мы можем — пусть в гротескной форме — наблюдать, до каких жарких битв доходила конкуренция в журналистике, в каких недипломатических формах проводилась полемика, какие темы и жанры были ведущими — вплоть до навязчивости — в редакционном портфеле. Высмеивание политических противников позволяло карикатуристам утрировать способы получения информации; портретное сходство с ведущими издателями сглаживало довольно шероховатые по грубости изображения.

Немаловажными кажутся карикатуры на читателей газет. Мы знакомимся с социальным статусом читателя газет, с его политическими предпочтениями, с его трактовкой прочитанного. Из карикатур мы видим, где и как читатель приобретал газеты, как реагировал на новости, — таким образом, получаем бесценные сведения о быте читателя и бытовании дореволюционной журналистики.

Редко, но встречались и карикатуры, намекавшие на цензуру. К иллюстрациям власти издавна относились пристрастно. Еще Изуграфическая палата Петра I пыталась остановить поток некачественного самодеятельного лубка. В уставе 1826 г. допускались карикатуры, высмеивающие пороки, но не личности; цензурная реформа 1865 г. не коснулась иллюстрированных изданий и т. д. В русских газетах всегда было проще — по цензурным соображениям — поместить рисунок (тем более карикатуру) в издательской части, нежели в редакционной. Карикатуристы изобретали новые способы обхода цензуры (убирали в карикатурах портретное сходство, повторно подавали рисунки на рассмотрение под другими названиями, отдавали эскизы по частям и т. д.). Несмотря на ухищрения художников, в переломные эпохи шло массовое запрещение иллюстраций для периодической печати. Правительство справедливо полагало, что зримые образы более доступны массам и тем более опасны.

К сожалению, современные исследователи российской журналистики обращают мало внимания на карикатуру — может быть, в силу ее якобы несерьезности, труднодоступности копирования и прочих причин, но этот подход значительно умаляет наши знания о прошлом.

Л. Г. ЕГОРОВА, Казанский гос. ун-т, доцент
Д. В. ТУМАНОВ, Казанский гос. ун-т, доцент

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК РАЗГАДЫВАНИЕ ТАЙНЫ А. С. ПУШКИНА

Русское зарубежье сосредоточилось на исследовании А. С. Пушкина с философской, нравственной, метафизической, религиозной стороны.

«Определяющим началом в мышлении Пушкина в пору его зрелости, — полагал протоиерей С. Булгаков, — было духовное возвращение на родину, конкретный историцизм в мышлении, почвенность» (*Булгаков С. Н. Жребий Пушкина // Новый град. 1937. № 12. С. 25*).

Эту же мысль проводил в очерке и глава Русской зарубежной Церкви митрополит Анастасий (Грибановский): «Сила Пушкина состоит в том, что он, в противоположность Толстому, никогда не отрывался от русской православной стихии» (*Анастасий, митрополит. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. Мюнхен, [б.г.]. С. 6*).

Даже смерть поэта обретает здесь высокое христианское звучание. Разбирая, какова подлинная причина убийства Пушкина, епископ Леонтий (Туркевич) убеждается, что тот «мстил французско-католику и за его иезуитскую извортливую мораль. Он выступал ревнителем — если хотите — самого Православия. <...> Он до некоторой степени умирал мучеником за чистоту освященного. ... Церковью законного брака» (*Леонтий, епископ. Какова подлинная причина убийства Пушкина? // Новое русское слово. 1937. 7 февр.*).

Изгнанники, по утверждению К. Зайцева, понимали: «Пока идет в русских сердцах борьба сатаны с Богом, пока мы завоевываем себе право на жизнь, мы не должны отрываться от нашего другого вождя — Достоевского, но будем помнить, что, когда кончится героический период борьбы за жизнь, и надо будет жить и строить жизнь, у нас есть вождь, завещанный Достоевским, — Пушкин» (*Зайцев К. И. Пушкин как учитель жизни // Русская мысль. 1927. Кн.1. С. 18*). Но как строить жизнь, по каким образцам? Ответа на этот вопрос К.Зайцев дать не мог.

А вот его однофамилец Б. Зайцев, русский прозаик, драматург, эмигрировавший в 1922 г., нашел для себя ответ на вопрос о модели социального обустройства. Ссылаясь на пушкинское завещание поэту — «живи один», он поучал: «Значит: в подполье, в катакомбы, наблюдай оттуда „милое течение жизни“ и триумфы подлостей. Трудись и радуйся, если не помер с голоду. Но это ничего. Если ты знаешь, что твоя работа настоящая, если есть в тебе маниакальное литературное, то не сдвинуть тебя с места никому, и пред тобою только искушение: впасть в гордость. Пушкин с нами!» (*Зайцев Б. К. Пушкин в нашей душе // Дни. 1925. 11 февр.*).

Ему возражал П.Струве: «Пушкин не отрицал национальной силы и государственной мощи. Он ее, наоборот, любил и воспевал», а потому «эпоха русского Возрождения, духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Силы и Ясности, Меры и Мерности, под знаком Петра Великого, просветленного художническим гением Пушкина» (*Струве П. Б. Именем Пушкина // Возрождение. 1926. 7 июня*).

«Пушкин является не только человеком и писателем подлинно государственным, — полагал общественный деятель, публицист и литературовед Н. Цириков. — Понять, полюбить, принять Пушкина — это значит утвердиться в тех — не чужих, нет, наших, — наших собственных русских свойствах, которые означают национальную жизнь, верность России и возможность ей служить. Он призывает нас к духовному антибольшевизму. Он дает нам духовный фундамент для борьбы с ним, силу для того, чтобы выжить в себе без остатка национальную болезнь» (*Цириков Н. А. Заветы Пушкина: мысли о национальном возрождении России. Белград, 1937. С.15*).

Таким образом, тайна А. Пушкина сосредоточивалась прежде всего, по мнению эмигрантов, в его пророческой миссии. «Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы, — утверждал И. Ильин в торжественной речи, неоднократно повторенной в юбилейный год в различных эмигрантских кругах. — Из его уст раздался и был пропет Богу от лица России гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности сквозь все пугающие земные страхи, гимн победы над хаосом» (*Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Речи о Пушкине: 1880–1960-е годы. М., 1999. С. 222*).

С. Н. УЩИПОВСКИЙ, СПбГУ, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ В РОССИИ ПОСЛЕ 1917 года

К 1916 г. система исторической периодики России включала не менее 122 изданий. Наиболее распространенными типами являлись: периодические сборники различных исторических обществ, ежегодные труды губернских археографических комиссий. Собственно журналов насчитывалось не менее 25 наименований, из них 17 историко-литературных (научно-популярных) и 9 научных и узкоспециализированных.

Уже в ходе Первой мировой войны и последовавших за ней революции и Гражданской войны прекратилась деятельность почти всех исторических обществ разного типа и работа археографических комиссий. Некоторые издания в соответствии с «Декретом о печати» были закрыты как «контрреволюционные». Таким образом,

в 1917–1918 гг. дореволюционная система русской исторической периодической печати в целом прекратила свое существование как таковая.

Взамен исчезнувшей «буржуазной», согласно марксистской трактовке, исторической печати и журналистики большевики приступили к созданию системы «пролетарской» исторической периодики. При этом судьба «остатков» старых независимых изданий («Голос минувшего», «Былое», «Исторический архив», «Дела и дни») складывалась по-разному, но в первой половине 1920-х годов они также были закрыты как «мелкобуржуазные», или «стоящие на позициях буржуазной историографии».

Советское правительство, руководствуясь ленинской установкой «широкого привлечения буржуазной интеллигенции» в условиях разрухи и катастрофической нехватки кадров, поначалу терпимо отнеслось к академическим историческим изданиям. Было решено использовать известных ученых на «службе пролетарскому государству». Особая роль здесь отводилась Академии наук, к которой в начале 1918 г. Совнарком обратился с предложением о совместной работе. Благодаря этому продолжилось издание «Записок Академии наук по историко-филологическому отделению», «Византийского временника», научного журнала «Христианский Восток» и, главное, «Русского исторического журнала». Они и составили, первое время, группу «советской академической периодики» по истории. Тем не менее установка на «научную объективность» оказалась в новых условиях «анахронизмом», и почти все старые научные издания в течение 1920-х годов постепенно закрыли.

1921 г. в отечественной историографии традиционно считается годом начала создания «советской исторической печати». В этом году начали выходить сразу несколько изданий, что было связано с реализацией «ленинского плана» строительства «советской науки». Только что созданная Социалистическая академия общественных наук была призвана организовывать и направлять исследовательско-пропагандистскую работу в стране, способствовать утверждению марксистской теории и методологии в гуманитарных науках. Она координировала деятельность целой сети научных учреждений и обществ. В их ряду Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), созданная постановлением СНК в сентябре 1921 г., заняла важнейшее место. Ее издания легли в основу новой системы советской исторической периодики. Программный печатный орган Истпарта сборник, а затем журнал «Пролетарская революция» (1921–1941) по праву считается первым советским историческим изданием. Задачи, которые были поставлены перед ним, стали ориентирами для всей исторической печати. Всего по стране в 1920-е годы выходило более 30 изданий Истпарта (правда, в большинстве кратковременных), из которых важнейшими (помимо названного журнала) стали органы Всеукраинского истпарта «Летопись революции» и Ленинградского истпарта «Красная летопись».

Известнейшая общественная организация — Общество старых большевиков — очень активно участвовала в истпартовской издательской работе. Доста-

точно сказать, что 90% состава авторского коллектива «Пролетарской революции» являлись его членами. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1921 г. начало выпускать свои, ставшие известными, сборники, а затем журналы — «Каторга и ссылка» и «Историко-революционный бюллетень» (позднее «Историко-революционный вестник»).

При активном участии сотрудников Истпарта и централизованного архивного учреждения — Главархива, Института красной профессуры начали выходить печатные органы «Красный архив» (1922–1941) и «Архивное дело» (1923–1941), призванные прежде всего способствовать построению централизованного архивного дела в стране.

В целом начавшееся в 1920-е годы формирование системы советской исторической периодики продолжилось в 1930–1950-е гг. и далее. Но заложенные в самом начале ее фундаментальные принципы и основы остались неизменными вплоть до времен «перестройки». Это была, в отличие от дореволюционной, уже «другая» историческая периодика. Социально-исторический феномен этой группы печати, имевшей свои специфические видо-типологические и содержательные особенности, представляет несомненный научно-исследовательский интерес.

Н. Ф. ФЕДOTOVA, филиал Казанского гос. ун-та (Набережные Челны), доцент

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ НАЧАЛА XX века: РАСШИРЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ КУЛЬТУРЫ

Понимание сегодня культуры «как со-бытия, со-временности разных (возможных) культурных миров (скрещения разных онтологических горизонтов)» (*Теоретическая культурология*. М.: Екатеринбург: РИК, 2005. С. 34–39) во многом обязано бурным процессам в духовной жизни общества вековой давности, эпицентром которых часто становились модернистские журналы («Мир искусства», «Весы», «Золотое руно», «Аполлон»). Они играли важную роль в приобщении читателей к искусству, религиям, традициям различных народов, а также были площадкой, где происходило формирование нового осмысления мира и человека. Следуя важнейшему в эстетике символизма принципу синтетизма, ставшему вскоре универсальным принципом современной культуры, журналы популяризировали не только различные виды искусства, их «слиянность» (К. Бальмонт), но и сталкивали на своих страницах не сводимые друг к другу типы сознания, что разбивало европоцентристскую модель культуры.

Особая заслуга принадлежит журналу «Золотое руно» (1906–1909), издававшемуся Н. Рябушинским. Из номера в номер здесь публиковались статьи и фотографии, привлекавшие внимание читателей к таким явлениям в области искусства, которые, отражая явно примитивное видение действительности, еще недавно были за бортом эстетических интересов как широкой публики, так и тонких ценителей ис-

куства. Системный характер представления этих материалов, а также явная симпатия к тому, что в них было предметом осмысления, несомненно, способствовали формированию толерантного отношения к примитивному (первобытному, народному, детскому, «дикарскому») мироощущению и миропониманию.

Старинная русская вышивка (Золотое руно. 1906. № 3), древнерусская живопись (иконы и фрески) (1906. № 7–9), северные церкви шатрового периода (1907, № 6), поморские рукописи с миниатюрами и орнаментами (1907. № 10), народная персидская живопись на кафели, утварь, (1908, № 3–4) представляли перед читателем как зримо (фотографии), так и в трактовке критиков, публицистов, писателей, историков. Параллельно журнал знакомил с искусством современных художников, делавших первые шаги по освоению имперсональной мощи архаичных, примитивных образов.

Содержание многих статей «Золотого руна» свидетельствует о глубоком переосмыслении значения тех пластов творческой деятельности человека прошлого и настоящего, которые еще недавно не вписывались в общепринятые представления об искусстве и культуре. Так, А. Блок в работе «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», посвященной древним германским преданиям (1907. № 2), пишет, что есть такие залежи культуры («певучая руда»), которые до сих пор недооценили. Они, к сожалению, остаются закрытыми от ученых, а между тем непрерывно развиваются, творя жизнь «настоящих людей». Прекрасной иллюстрацией содержания и тональности публикаций служат статьи С. Маковского о творчестве Н. К. Рериха (1907. № 4) и о выставке «Голубой розы» (1907. № 5). Обращение современников к доисторическому бытию, к примитиву, считает автор, сознательное, чем и отличается от предыдущих попыток в истории искусства. Это глубинная потребность и основная задача искусства, «победа художественного освобождения» (Маковский С. «Голубая роза» // Золотое руно. 1907. № 5. С. 25).

Таким образом, журнал «Золотое руно» не только стал центром по эстетическому освоению разнообразного культурного материала, но и внес значительный вклад в изменение отношения к тому, что на протяжении XVIII–XIX вв. образованной частью российского общества воспринималось как недокультура.

В. М. ХРУЛЬ, МГУ, ст. науч. сотрудник

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ЭТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ СМИ

Попытки регулирования российских СМИ в области соблюдения моральных норм в последнее время с очевидностью изменили субъекта: от собственно внутреннего саморегулирования, где субъектом выступало журналистское сообщество,

произошел сдвиг к инициативам регулирования извне, где субъектами выступают иные социальные институты, выражающие явную неудовлетворенность моральным уровнем отечественных массмедиа и в первую очередь телевидения.

«Лакмусовой бумажкой», обнаружившей слабый фундамент для морального регулирования отечественных СМИ, стал сюжет с созданием Общественного совета по нравственности на телевидении, который активно обсуждается в России уже более двух лет.

Инициатором создания Совета по нравственности на ТВ стал Клуб православных журналистов, что нам представляется не случайным. Религиозное сознание в своей активности подразумевает наличие устойчивого, стабильного, основанного на фундаментальных ценностях этоса, причем не только на уровне индивида, но и на уровне общности. Этос как совокупность нравственных императивов свидетельствует о фундаментальной, имманентной человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире.

В этом смысле религиозное сознание как носитель устойчивого этоса может стать мощным фактором этического регулирования российских СМИ.

Однако в публичной сфере у религиозного этоса (правильнее сказать этосов, ибо они в разных религиях различаются фундаментально) обнаруживаются серьезные препятствия как в артикуляции со стороны самих духовных лидеров, так и в восприятии со стороны непосвященной общественности.

Одним из главных препятствий является отсутствие понимания того, что наивысший уровень для совокупного суждения в области нравственности — это не общество в рамках целой страны, а ценностно цельная, монолитная, гомогенная общность, члены которой пребывают в состоянии консенсуса, согласия по поводу того, «что такое хорошо и что такое плохо». Принципиально важно понимать, что объединяющим фактором в таких общностях является именно общий этос. К таким ценностно гомогенным общностям по определению относятся религиозные организации и другие общности с ярко выраженным моральным «кредо», этосом, основанным на вере. И именно они должны стать главными субъектами общественного диалога в сфере нравственности.

Проблема заключается в том, что в СМИ и публичной сфере отсутствует системный «нравственный мониторинг» событий и явлений общественной жизни со стороны действующих общностей, которые являются носителями цельного и внутренне непротиворечивого этоса. Общество испытывает дефицит регулярного производства и распространения морально-оценочных суждений со стороны таких общностей.

В условиях слабой артикулированности этосов ожидать стремительного развития диалога ценностных систем, одной из площадок для которого мог бы стать Совет по нравственности на российском ТВ, было бы слишком оптимистично при всем том, что он представляется нормативно необходимым.

Именно процесс общения по поводу нравственных норм и их применения для квалификации событий и явлений в обществе с участием этически цельных общностей является принципиально необходимым условием для формирования этически сбалансированной политики телевидения.

М. Н. ЧЕРНИКОВА, Южно-Уральский гос. ун-т, преподаватель

СЕКТЫ И ОККУЛЬТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ СМИ

Секта — религиозное объединение, отделившееся от какого-нибудь вероучения и ему противостоящее; группа лиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах.

По оценке историка и богослова А. Л. Дворкина, в настоящее время в России действует около 80 крупных сект и тысячи мелких, а количество их последователей составляет 600–800 тыс. человек (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Секта>).

Тоталитарные секты и оккультные организации наносят вред моральному здоровью людей, порой угрожают и жизни. Освещение в СМИ вопросов, связанных с сектами и оккультными организациями, не всегда однозначно. Между тем СМИ, используя свои возможности и потенциал, обязаны информировать общество о деятельности опасных организаций, при этом учитывая, что согласно Конституции РФ «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Журналисты часто даже не знают специфику деятельности организации, о которой пишут. Вследствие этого появляются, например, материалы о работе реабилитационного центра для жертв наркомании. На самом деле выясняется, что это лишь прикрытие тоталитарной секты. Понятно, что журналисту сложно, побывав один раз в таком центре, понять, что это — секта. Ведь подлинное положение вещей ему там никто не покажет. Секты и оккультные организации ищут любой способ заявить о себе, пытаются заявить о себе чрез СМИ. Их руководители и активисты проводят религиозный маркетинг, т. е. распространяют свое учение и вербуют новых членов особыми средствами.

Журналисты, проявляя некомпетентность, порой пишут об опасных тоталитарных сектах в положительной тональности. Так, на секту Григория Грабового в середине 1990-х годов были положительные отклики в федеральной прессе. Но с 2001 г. стали появляться материалы уже разоблачительного характера. Первое журнальное расследование деятельности этого человека, обещавшего воскресить погибших в Беслане детей, провели только в 2004 г. «Известия».

Коккультизму могут привести лженаучные теории. Поэтому журналисты должны знать хотя бы косвенные признаки лженауки: отрицание современной науки, «теория всего», отсутствие ссылок, новая терминология, обилие заглавных букв и т. п. (Путник К. В. Лженаука: союз заклинания и реторты. Челябинск, 2008. С. 167).

Значимость освещения в СМИ деятельности сект сложно преувеличить. Статьи на эти темы всегда имеют резонанс. Так, на сайте областной газеты «Южноуральская панорама» после публикации цикла статей о сектах появилось множество откликов. Люди делились историями о том, как жертвами сект стали их близкие. Но немало откликов оставили и сторонники сект: они яростно обвиняли журналиста в субъективности, цитировали Библию и Евангелие. Разгоревшиеся дискуссии свидетельствуют о том, что эту тему нельзя обходить стороной. Но освещать ее следует максимально объективно и беспристрастно, ознакомившись со всеми материалами и представив все точки зрения.

Г. И. ЩЕРБАКОВА, Тольяттинский гос. ун-т, профессор

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА КАК ФАКТОР ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

Представление о закономерностях развития отечественной журналистики не будет полным и точным без изучения провинциальной печати — это суждение является аксиомой современной науки о журналистике, однако для полной картины становления прессы российской глубинки нужно еще многое делать. Не изучены периодические издания многих культурных и экономических центров России, не изучено взаимодействие столичной и региональной печати, сохраняется слабое представление о специфике читательской аудитории каждого из российских регионов, на которую накладывали отпечаток факторы экономического, национального, образовательного, даже географического характера.

Ускорение социально-экономических процессов во второй половине XIX в. сопровождалось усилением информационных потоков и изменением их направленности. Навстречу новостным потокам из столиц в губернии открылось не менее интенсивное движение обратной направленности. В провинции шли серьезные процессы, от которых зависело настоящее и будущее страны. Столичные издания начинают вводить специальные рубрики, отражающие духовную жизнь глубинки: отделы «внутренней хроники» были во всех «толстых» журналах и большинстве качественных газет, но помимо них стали появляться и более узко специализированные рубрики, например: «Областное обозрение» («Гражданин»), «Провинциальная печать» («Северный вестник»); обзоры провинциальной печати регулярно появлялись на страницах «Русского богатства» и «Русской мысли», письма провинциальных корреспондентов постоянно печатались в «Отечественных записках», многие

редакторы лично отправлялись в путешествие по России, чтобы поделиться с читателем достоверными впечатлениями: А. С. Суворин, В. П. Мещерский и др.

Столичная печать использовала различные средства получения информации из регионов, тем более, что к этому времени телеграфная сеть распространялась повсеместно. Однако серьезной проблемой оставался кадровый вопрос. Квалифицированных журналистов не хватало и для столичных изданий, при этом содержать штат соборов было и невыгодно, и невозможно из-за кадрового голода. Налаживание контакта с региональными изданиями могло решить сразу обе проблемы. Многие столичные газеты уделяли большое внимание профессиональному уровню сотрудников провинциальной прессы в своих обзорах. Провинциальную печать упрекали за то, что она не стремилась создать оригинальный продукт, а только подражала столичной прессе и ее «грехам». При этом три четверти объема провинциальных изданий заполняли перепечатки из «Правительственного вестника». Лучшие из них разрабатывали статистику, но не брались за аналитику. Критические замечания никогда не касались губернатора, в лучшем случае посягали на уездные власти. Провинциальная администрация наложила власть не только на «официальные мониторы» (губернские ведомости), но и на частную печать.

Столичные издания сочувственно отмечали слабую экономическую базу местной журналистики и бесперспективное положение провинциальных служителей пера. Редакторы неофициальной части губернских ведомостей получали 13–16 рублей, меньше сторожа присутственного места (20 рублей). Вознаграждения сотрудников или не существовало, или составляло 5–6 рублей. В результате каждый владеющий пером стремился писать в столичные издания, которые платили 5–7 копеек за строку. Священник, писарь и чиновник — таков был корреспондентский штат губернских изданий. Газета не могла бы существовать в подобных условиях, если бы не казенная печать в типографии и не обязательная рассылка.

Малая эффективность правительственного проекта по развитию провинциальной печати казалась фатальной, несмотря на то, что правительство ежегодно выделяло крупную сумму. Однако проникновение частного капитала в прессу на фоне роста потребности аудитории в социально значимой информации к концу XIX в. в короткий период изменило картину и показало возможность относительной независимости провинциальной печати, если она заручалась общественной поддержкой, о чем говорит опыт самарской печати рубежа XIX–XX вв. Оппозиционные издания, как, например, «Самарская газета», были предметом возмущения губернатора на протяжении десяти лет, но местная администрация и Главное управление по делам печати несколько лет перекладывали друг на друга обязанность закрыть газету, имевшую широкую популярность в Поволжье, не решаясь пойти против общественной симпатии и вызвать массовое недовольство, поскольку духовная жизнь провинции оказалась достаточно зрелой и самостоятельной.

Ю. А. ШУПЛЕЦОВА, Шадринский гос. педагогический ин-т, ст. преподаватель

ПУБЛИЦИСТИКА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

В последнее время назрела потребность возрождения в медийной сфере утративших позиции публицистических жанров. Имеет смысл современным журналистам обратиться к традициям классической русской публицистики, в частности к очеркам Марины Ивановны Цветаевой.

Она отнесена исследователями литературы к категории художников, далеких от реальной действительности, максимально сосредоточенных на своем внутреннем мире. Подобный подход к ее творчеству, безусловно, правомерен и на данный момент является наиболее исследованным, но утверждать, что она не интересовалась событиями, происходившими в современном ей мире, будет неправильным. Она отразила ряд фактов, по объективным причинам ставших значимыми для истории России и повлиявших на ее личность. В ее прозе доминирует очерк. Это, прежде всего, «Герой труда» (1925), «Музей Александра III» (1933), «Лавровый венок» (1933), «Открытие музея» (1933), «Живое о живом» (1932), «Пленный дух» (1934). В этих произведениях содержится отношение Цветаевой к важным для истории страны событиям: строительство и открытие в Москве Музея изящных искусств, смерть значимых и часто знаковых поэтов и писателей XX в., таких как В. Брюсов, М. Волошин и др.

Очерки Цветаевой отражают не политическую обстановку, они ориентированы не столько на гражданские проблемы, сколько на нравственное состояние русской среды, которую она утратила. По сути они стали попыткой восстановить прошлое, идеализированное вследствие временной и географической отдаленности.

В очерках сохраняются цветаевская интимность и нарочитая автобиографичность, ее видение и описание мира через себя, через свои переживания. Благодаря такому подходу Цветаевой удастся создать живые образы, динамичные, движущиеся картины, сменяющие одна другую.

В цикле очерков, посвященных открытию Музея изящных искусств («Музей Александра III», «Лавровый венок», «Открытие музея»), отчетливо представлено своеобразие восприятия действительности чистыми детскими глазами. Такая во многом отличительная особенность этого цикла — мемуарность, ведущая к определенного рода идеализации прошлого, вызывает ностальгию по далеким временам, чувствам, людям. Цветаева фрагментарно воссоздает эпизоды подготовки к открытию Музея. Первоначально она была сторонней наблюдательницей, вовлеченной в круговорот событий своей семьей, а потом — активным участником. За ней, описывающей свою реакцию на происходящее, стоят живые образы и картины объективной действительности — тех дней, когда закладывали Музей, когда сгорела часть материала для него и т. д.

Цветаева и в своих очерках остается верна себе, далекой от истории, поэтому, создавая их в 1930-е годы, она отдает дань памяти дорогим ее сердцу людям и прежде всего отцу Ивану Владимировичу Цветаеву. Но при этом, обращаясь к прошлому, к событиям, с которыми срослась душой, пожалуй, впервые она стремится оставить в памяти людей как часть прошлого отдельного города, как часть прошлого целой страны свои публицистические произведения. Не случайно одной из своих главных задач Цветаева-очеркист заявила: «ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим».